

Жигаловской судоверфи будет вновь востребована предприятиями речного флота. Ведь так хорошо и недорого строить малые суда, как это делают в Жигалово, уже, пожалуй, не умеют нигде в Восточной Сибири.

Целесообразно улучшить автодорогу от Транссибирской железнодорожной магистрали (от станции Залари) через село Заменка до поселка Жигалово. До революции ее называли Шелашниковским трактом. Он был более коротким и удобным, чем Качугский тракт. С экономическим развитием района и газификацией региона перед старым Шелашниковским трактом также открываются новые перспективы.

Л.М. ДАМЕШЕК

МЕСТО СИБИРИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ИМПЕРИИ

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой — Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами — пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям. Последние рассматривались как данники московского царя, т.е. подданные государства и, наряду с русскими крестьянами, должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги, и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства.

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Якутск (1630), Илимск (1630), Верхоленск (1632), Иркутск (1661), Верхнеудинск (1666), Чита (1653) и т.д. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со стро-

ительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные, по тем временам, отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске и объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании»

Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге, вернулась «на круги своя» — в Иркутское генерал-губернаторство.

Таким образом, территориальные границы исследуемого автором региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию юбилею Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырех губерний и двух областей. Именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика, имевшая конечной целью упрочение единства Российской империи. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро поглощало имперские окраины. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земле-

делием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего, духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса, и, несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом русского населения, возросла с 651 тыс. душ м.п. до 2 310 тыс. душ м.п., или на 354,8%. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м.п. до 413 тыс.душ м.п., или на 87,7%. Таким образом получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышала темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25% в 1816 г. до 15% в 1897 г. Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. В период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м.п. (58,87%), в Томской — 40 760 душ м.п. (34,3%), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8 093 души (6,81%).

Подобная же ситуация наблюдается и пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450 тыс. переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 тыс., а в Восточной Сибири — около 100 тыс. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к Европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинска котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, мало пригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г., по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн чел., то за 1906–1914 гг. — 3 млн чел., или в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселение — *И. Д.*) в восточных районах осталось 2 510 998 переселенцев, 235 039 ходоков, или 2 745 537 чел. Как и в дореформенный период основная масса переселенцев (68%) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32%.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26% территории региона, разместилось 8,8 млн чел., то в Восточной Сибири на 74% территории проживало лишь 30% населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 чел. на 1 км² в Западной Сибири и 0,4 чел. на 1 км² в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 км², Германии — 102, США — 8, России — 6.

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. чел. В западной Сибири — это Тобольск — 16 тыс., Омск — 18 тыс., Томск — 15 тыс., Барнаул — 12 тыс.; в Восточной Сибири — Иркутск — 28 тыс., Красноярск — 10 тыс. Такие, к примеру, города, как Тобольск и Иркутск стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. чел. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10%. К концу XIX начала XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12%, то в Сибири, наоборот снизился до 8%. Накануне первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13%.

Крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс

на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи.

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и карелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства — сельское хозяйство, промышленность, промыслы — развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9%, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Иными словами, доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78%. Основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95% общероссийского производства серебра, свинца и меди. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось — свинца в 4 раза, меди — в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5%. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности, например добыча слюды, развивались слабо и неритмично. В конце XIX–начале XX вв. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. Во второй половине XIX–начале XX вв. с особой силой проявилась связь между переселением и уровнем развития сельскохозяйственного производства, основной отраслью которого становится земледелие. Хотя

последнее по-прежнему сохраняло экстенсивный характер, тем не менее, волна переселенцев стала мощным импульсом его развития. Переселенцы принесли в Сибирь собственную земледельческую культуру, новые приемы агротехники и массовое кустарное производство.

За период с 1901 по 1913 г. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т.е. почти на 170%. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн дес. Иными словами, в структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства.

Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. — 158 млн пуд., в 1906–1910 гг. — 204 млн пуд., в 1913 — 305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях — 64, 89, 148 млн пуд. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг.), искусственное завышение цен на ввозимый в европейскую Россию сибирских хлеб, снижала конкурентоспособность последнего и, таким образом, сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало существенный отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири. Лишь в 1913 г. тарифный перелом был полностью отменен.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясо-молочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. В отличие от хлеба, ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило 68 млн р. В более ранней своей работе этот же автор приводит следующие показатели: с 1894 по 1907 гг. выручка от экспорта масла поднялась с 4 тыс. р. до 44,5 млн р. Соответственно рос и вывоз самого масла. За период с 1900 по 1907 г. он составил соответственно 16 и 48 тыс. т. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Например, только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4 448,7 тыс. пуд., или 74,1% произведенного в Сибири масла.

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой сис-

темы коммуникаций, связывающими Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а несколько позже, в 1880 г. постановлением начальника Главного управления почт и телеграфов империи, был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфной связи Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем — в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Развитие средств связи оказывало несомненное влияние на темпы и масштабы инкорпорации Сибири в общероссийские экономические процессы. Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой — от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте. Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбург-Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень-Омск, проходившая по густо населенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2 318 км), Томская (1 815 км), Забайкальская (1 720 км) железные дороги, принадлежащие казне и являющиеся составными частями Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам: Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км). Эти железные дороги соединяли важные экономические районы с транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6 000 км железных дорог, или около 700 км в год и 45 крупных мостов через такие реки, как Иртыш, Обь, Енисей.

В итоге отметим, что на протяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным, как поставщика сырья. Правда само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII вв. это была пушнина, то затем, в связи с истощением пушных запасов, открытием месторождений золота именно оно стало основной статьёй сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства — прежде всего это масло. Именно это агарное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика, в том числе и в экономических вопросах, не только учитывала особенности хозяйственного развития региона, но в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Не случайно, в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становятся основными источниками финансовых поступлений от эксплуатации сибирских земель. Это находило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации.

Уровень развития региона и его место в экономике государства принято оценивать в цифрах. Поскольку в сибиреведческой литературе уже имеется такого рода анализ, основанный на весьма солидной источниковой базе и грамотной методологии подсчетов, отметим следующее: ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7% от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2% стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3% длины железных дорог, 6,5% числе перевозок, 5,5% торговых заведений, 4% наемных рабочих России. В городах проживало 12% населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

Ю.А. ЗУЛЯР

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИАНГАРЬЯ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ ХХІ: ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

Прошедший год вновь поставил перед человечеством на повестку дня продовольственный вопрос. Очень остро эта проблема стоит для России, завозящей значительную часть продовольствия из-за рубежа, хотя и обладающей при этом самыми большими в мире сельскохозяйственными угодьями. Причина несостоятельности российского агропро-